Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века

А.В. Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-2-62-82

I

Ознакомление с *географическим распространением* систем полевого хозяйства является необходимой подготовительной работой для всякого рода индуктивных исследований в этой области. Это, в сущности говоря, есть не более как ознакомление с пространственным расположением того материала, который в дальнейшем будет более или менее полно исчерпан.

Настоящая статья является частью работы, стремящейся определить это пространственное расположение на крестьянских полях Европейской России. Материалом для нее послужила главным образом основная земская статистика и издания агрономов, собранные в библиотеке А.Ф. Фортунатова. Эти данные разбросаны в периоде времени, начиная с 1880 до 1907 года, то есть 27 лет, и понятно, одним из первых вопросов исследования был вопрос о том, может ли свод этих, столь разнящихся по времени, источников дать какое-либо реальное представление об изучаемом объекте. Являлось вероятным, что за промежуток в 25 с лишком лет формы хозяйственной действительности претерпевали резкие и быстрые изменения, результатом чего наша сводная географическая картина явилась бы голым абсурдом.

Сплошные правительственные статистические исследования 1881 года[9] и 1893 года[10], при сравнении их, указывали на резкие изменения, происшедшие в крестьянском полеводстве за эти 12 лет, и тем подтверждали основательность опасения. Так, А.Ф. Фортунатов писал в 1895 году: «Несмотря на весьма распространенное убеждение в полной неподвижности русского крестьянского хозяйства, чуть ли не со времен Иоанна Грозного, приходится констатировать изменение в системе крестьянского полевого хозяйства за такой не особенно продолжительный срок, как 12 лет, протекших

9. Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год // Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 4. СПб., 1884. — *Ред.*

10. Население сельских обществ и количество у них пахотной надельной земли по обследованию 1893 года // Временник Центрального статистического комитета. № 33. СПб., 1894. — *Ред.*

со времени первой российской регистрации угодий и культур в 1881 году. В 1881 году пар составлял на надельной пашне 46 губерний 25,6%, а в 1893 году — 22,5%. Это весьма немалое уменьшение относительного значения пара, замечающееся притом не только в общих итогах, но и повторяющееся в 44 губерниях, из которых иные дали весьма резкое падение процента пара на надельной пашне»[11].

Рассматривая изменения процента пара по губерниям (картограмма 1, табл. 1), мы обнаружим, что 27 губерний из 46 потеряли более 3%, а 12 из них — свыше 5%. А так как означенные губернии принадлежат к трехпольной полосе России, то, даже при невероятном случае исключительного перехода от трехполья к чистому посеву хлеба на хлеб, эти цифры указывают на изменения, захватившие *не менее* 10–15% всей площади, что для 12-летнего периода величина весьма большая.

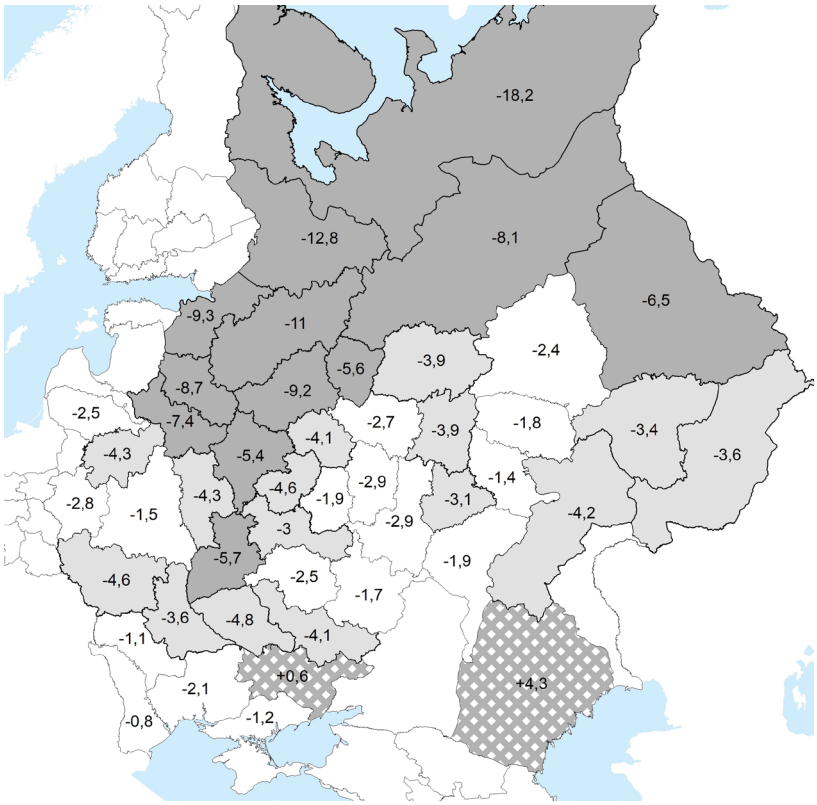
Таблица 1. **Изменения доли паров в площади пашни и в площади посевов по 46 губерниям Европейской России**[12]

Порядковый номер губернии (на картограмме 4)	Губернии	Изменение процента пара, вычисленного ко всей пашне за 1881–1893 годы (картограмма 1)	Изменение процента пара, вычисленного к сумме озими и яри за 1881–1893 годы (картограмма 2)
1	Архангельская	-18,2	4,9
2	Астраханская	4,3	13,3
3	Бессарабская	-0,8	0,1
4	Виленская	-4,3	-0,2
5	Витебская	-7,4	1,3
6	Владимирская	-2,7	1,0
7	Вологодская	-8,1	4,3
8	Волынская	-4,6	-0,3
9	Воронежская	-1,7	1,0
10	Вятская	-2,4	3,2
11	Гродненская	-2,8	1,6
12	Екатеринославская	0,6	1,0
13	Казанская	-1,8	-0,4
14	Калужская	-4,6	0,2

11. *Фортунатов А.Ф.* (1895). Севообороты в мелких хозяйствах // Русские ведомости. № 53. С. 3. — *Ред.*
12. Таблица составлена нами. — *Ред.*

15	Киевская	-3,6	-1,9
16	Ковенская	-2,5	3,3
17	Костромская	-3,9	2,2
18	Курская	-2,5	0,1
19	Минская	-1,5	5,3
20	Могилевская	-4,3	0,5
21	Московская	-4,1	0,3
22	Нижегородская	-3,9	-1,2
23	Новгородская	-11,0	4,4
24	Олонецкая	-12,8	1,1
25	Оренбургская	-3,6	-1,2
26	Орловская	-3,0	-0,6
27	Пензенская	-3,1	-1,0
28	Пермская	-6,5	10,6
29	Подольская	-1,1	-0,3
30	Полтавская	-4,8	-5,9
31	Псковская	-8,7	1,9
32	Рязанская	-2,9	0,7
33	Самарская	-4,2	-2,8
34	С.-Петербургская	-9,3	6,7
35	Саратовская	-1,9	-3,2
36	Симбирская	-1,4	0,7
37	Смоленская	-5,4	1,6
38	Таврическая	-1,2	-0,9
39	Тамбовская	-2,9	0,4
40	Тверская	-9,2	0,3
41	Тульская	-1,9	0,6
42	Уфимская	-3,4	13,0
43	Харьковская	-4,1	-4,3
44	Херсонская	-2,1	-1,7
45	Черниговская	-5,7	-0,4
46	Ярославская	-5,6	2,8

Подобная подвижность форм полевого хозяйства заставила бы, в сущности говоря, с первого взгляда оставить всякую мысль о возможности сводить материалы, отстоящие на 25 лет друг от друга.

Картограмма 1. **Изменение процента пара, вычисленного ко всей «пашне» за период 1881–1893 годов**

Но, к счастью, внимательный сравнительный анализ регистрации 1881 года и 1893 года приводит нас к выводам более благоприятным. Уже А.Ф. Фортунатов в означенной статье упоминает о некоторой неопределенности в способе опубликования регистрации 1893 года. Само сличение тетрадок этих двух публикаций — наименования их граф — уже может внушить сомнение в возможности их прямого сравнения между собой. Так, например, общие сведения о пашне были сгруппированы в следующие различные системы граф: 1881 год — под посевом (озимь, ярь, стручковые, корнеплоды, торговые, кормовые травы), пар, залежь; 1893 год — под посевом (озимь, ярь), пар, сенокоса (кроме лугов), остальной.

Очевидно, что программа вопросов была для обеих регистраций совершенно различна и весьма вероятно, что в 1893 году под именем «сенокоса» (кроме лугов) (?) и «остальной» — к общему количеству пашни были причислены такие земли, кои в графу «залежь» 1881 года не входили и вовсе не зачислялись в отдел пашни. В этом случае общие итоговые цифры оказываются вовсе несравнимыми. Количество

«пашни» 1893 года увеличено за счет посторонних элементов, введенных в учет, а следующий процент пара, вычисленный к этому количеству, приуменьшен и совершенно несравним с данными 1881 года.

Вероятность того, что это действительно так, подтверждается рядом фактов. Привожу для иллюстрации один из них. Пахотная площадь на крестьянских землях Владимирской губернии с 1 236 868 десятин в 1881 году увеличилась по регистрации 1893 года до 1 281 528 десятин, то есть на 44 660 десятин, или на 3,6%, что указывает на значительный рост распаханности. По данным же земской статистики за то же время, видно, что во Владимирской губернии, в силу развития индустрии и переселения, сельское хозяйство в упадке и общая пахотная площадь не только не увеличивается, но даже резко сокращается. Так, исследователь одного из ее уездов пишет: «Вытеснение земледелия промышленностью приводит к сокращению запашки и к полному забрасыванию ее»[13]. Размеры этих забрасываемых земель весьма значительны; так, в озимом клину их от 3,7% (Шуйский уезд) до 7,1% (Вязниковский уезд). Весьма характерно также и то, что по межевым данным в 1804 году процент пашни ко всем угодьям, например, для Шуйского уезда, составлял 44,8%, а в 1899 году — только 27,8% (М. для оц. з. Вл. г. I. X.).

Это противоречие заставляет глубже анализировать данные обеих правительственных регистраций. Разложим для этого площадь пашни на более мелкие деления (табл. 2).

Таблица 2. **Площади посевов, пара и залежи по данным 1881 и 1893 годов (в десятинах)**

	Посев	Пар	Залежь [сенокосы (крестьянских лугов) + остальной земли]	
1881	793 011	398 445	45 088	45 088
1893	761 420	379 081	72 357+96 742	169 099
[Разность]	-31 591	-19 364		+124 011

Из приведенной таблицы явствует, что увеличение «залежи» более чем вдвое превышает уменьшение площади посева + пара. Это избыточное приращение могло произойти или от различного понимания понятия «залежь» при обеих регистрациях и введения в соответствующие графы 1893 года таких земель, которые не учитывались в 1881 году, или же от того, что старые земли бросались в залежь *и на их место* распахивались нови, на что, однако, в литературе указаний нет и что маловероятно.

13. А.В. Чаянов ссылается на «Материалы для оценки земель Владимирской губернии» («Мат. для оц. з. Вл. г. I. IV. 03 г., стр. 39»); по этой и следующей за ней ссылке цитату в источнике найти не удалось. — *Ред.*

Таким образом, приходится признать, что изменение в проценте пара, вычисленного ко всему количеству «пашни», как это делал А.Ф. Фортунатов в 1895 году, не дает нам в данном случае права судить о переменах в системе полевого хозяйства за этот промежуток времени.

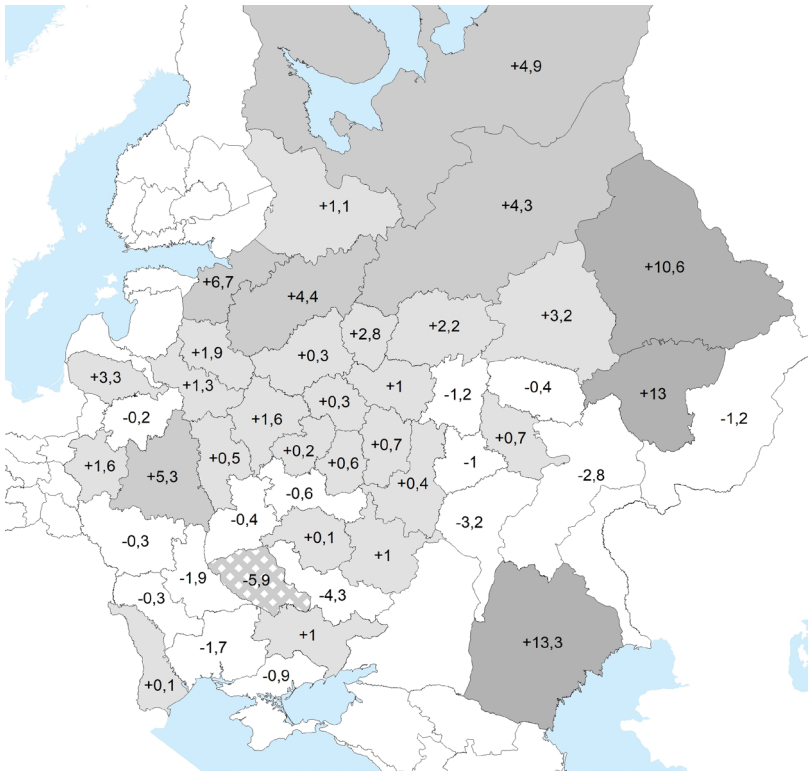
Из этого, однако, не следует, что мы должны совершенно отказаться от всякого суждения об изменениях в полевом хозяйстве на основании сравнения этих регистраций. Для определения относительного значения пара можно исчислять его процент к величинам более определенным, чем «пашня», и потому не зависящим в своем учете от различного понимания самого термина. Такой величиною может явиться посевная площадь. При отсутствии широкого развития подсечной и залежной системы процент пара, вычисленный к посеву, является таким же хорошим показателем при определении систем хозяйства, каким явился бы в нормальных условиях процент пара ко всей пашне. Разница только в величине цифр: так, для чистого трехполья мы вместо 33,3% будем иметь 50%.

Для упрощения вычислений под площадью посева я буду подразумевать для 1881 года только графы «озимь» и «ярь», так как: 1) посевы трав до начала XX века не имели массового характера на крестьянских полях; 2) по регистрации 1893 года мы не знали бы, куда отнести эти посевы: в графу ли «сенокосы» или в «ярь»; и 3) из граф «стручковые», «корнеплоды» и «торговые» мы причисляем к яри площади, занятые «горохом», «картофелем» и «льном», а все остальное не вводим в учет, так как одни культуры, вроде «конопли», «огурцов» и т.п., обычно не входят в севооборот и культивируются часто на *усадебных землях* и потому, весьма вероятно, не были включены в графы «озимь» и «ярь» 1893 года, другие же культуры весьма ничтожны и их исключение не могло привести к большим изменениям в процентах, но зато облегчало учет.

Результаты вычисления по этому способу дают совершенно иную картину изменений в проценте пара (картограмма 2, табл. 1)[14].

Прежде всего мы можем отметить, что общее суммарное изменение процента пара для 46 губерний будет равно всего только 0,2% (1881 год — 42,2%, 1893 год — 42,0%), а не 3,1%. Правда, погубернские данные говорят нам о сравнительно больших изменениях, но 1) изменения процента не так резки, как при первом методе исчисления, и в группу свыше 4,5% (соответствующую 3% первого способа исчисления)

14. Эта картограмма может возбудить некоторое недоумение: около ⅔ губерний повысили свой процент и только ⅓ его сократила, а тем не менее в итоге мы имеем некоторое уменьшение, правда, близкое к 0 (0,2%). Этот факт заставил меня три раза пересчитать все вычисления. Не найдя в них ошибок, пришлось объяснить это кажущееся несоответствие тем, что: 1) для очень большого числа губерний, получивших приращение процента, это приращение весьма незначительно (0,1–0,5%) и 2) губернии с уменьшением процента пара принадлежат к числу наиболее распаханных, а изменения их процента пара имеют большее абсолютное значение.

Картограмма 2. **Изменение процента пара, вычисленного к (озимь + ярь) за период 1881–1893 годов**

вместо 28 губерний вошли только 7, а в высшую (7,4%, соответствует 5% первого способа исчисления) — 3 вместо 11; 2) само изменение процента носит совершенно иной характер: при первом способе учета все губернии, за исключением двух, указывали на падение процента пара, во втором случае, наоборот, большинство губерний показали увеличение, хотя часто незначительное, но наряду с этим в 16 губерниях мы наблюдаем довольно значительное падение и в итоге суммарный процент по всем 46 губерниям остается почти не изменившимся, и 3) резкие изменения приурочены к определенным районам, за вычетом которых вся остальная масса дает незначительные колебания.

Таким образом, более совершенный метод определения относительного значения пара значительно ослабляет картину изменений в системах полевого хозяйства. Но, однако, и он констатирует их наличность. Остается выяснить, насколько велико значение установленных нами изменений в проценте пара, и поскольку могут они препятствовать возможности нашей сводки.

Здесь прежде всего надо отметить тот факт, что сравниваемые нами величины 1881 и 1893 годов представляют собой не средние

величины за какой-либо более или менее значительный промежуток времени, а являются только годичными отметками, отстоящими друг от друга на расстоянии 12 лет. Таким образом, их числовая величина не избавлена от влияния обычных годовых колебаний и весьма вероятно, что для многих губерний *величина изменения* процента пара находится в пределах этого обычного годового колебания и является, следовательно, величиной случайной.

Для определения пределов годичного колебания процента пара мы не имеем прямых данных. Но принимая во внимание, что для трехпольных губерний «*пар*» представляет собой не более как очередной клин поля и что сегодняшний *пар* завтра будет *озимым*, мы сочли себя вправе счесть пределы их годичных колебаний более или менее равнозначными. Для определения годичных колебаний в проценте озими мы воспользовались данными Центрального статистического комитета, кои нам дали возможность составить следующую таблицу для ряда лет, непосредственно примыкающих к исследуемым (табл. 3)[15].

Таблица 3. **Процент озимых посевов ко всей посевной площади и его изменения по годам в процентных пунктах (изменения более чем на 1 пункт выделены шрифтом)**

Губернии	1893		1894		1895		1896		1897		1898		1899
Владимирская	50,4		51,0		49,1		50,6		50,3		50,4		49,5
		0,6		**1,9**		**1,5**		0,3		0,1		0,9	
Вятская	48,6		47,2		46,9		47,6		47,6		46,4		47,4
		1,4		0,3		0,7		0,0		**1,2**		**1,0**	
Казанская	50,6		50,5		50,5		50,4		49,5		50,2		50,5
		0,1		0,0		0,1		0,9		0,7		0,3	
Калужская	49,8		48,6		48,0		48,6		48,4		49,0		47,8
		1,2		0,6		0,6		0,2		0,6		**1,2**	
Костромская	47,9		47,5		48,0		47,9		48,0		48,7		47,8
		0,4		0,5		0,1		0,1		0,7		0,9	
Курская	44,6		46,5		46,3		46,3		46,5		46,7		46,9
		1,9		0,2		0,0		0,2		0,2		0,2	

15. Источник для этой таблицы А.В. Чаянова: Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. По 50 губерниям Европейской России // Временник ЦСК. № 48. СПб., 1901. Найденные опечатки исправлены Ред.

Московская	51,1		49,9		49,0		50,2		50,0		50,7	49,9
		1,2		0,9		0,2		0,2		0,7	0,8	
Нижегородская	49,2		49,4		48,6		48,9		48,8		48,6	49,0
		0,2		0,8		0,3		0,1		0,2	0,4	
Орловская	47,3		46,9		46,4		46,7		46,5		47,2	46,5
		0,4		0,5		0,3		0,2		0,7	0,7	
Пензенская	48,4		48,9		48,7		47,9		46,7		48,1	47,7
		0,5		0,2		0,8		**1,2**		**1,4**	0,4	
Рязанская	49,7		50,3		49,6		49,5		49,5		49,6	49,5
		0,6		0,7		0,1		0,0		0,1	0,1	
Симбирская	49,0		49,3		49,2		51,2		48,4		48,4	49,5
		0,3		0,1		**2,0**		**2,8**		0,0	**1,1**	
Тамбовская	49,4		49,9		50,0		49,5		48,8		48,7	49,7
		0,5		0,1		0,5		0,7		0,1	**1,0**	
Тверская	48,3		48,3		47,2		48,3		48,3		48,9	48,8
		0,0		**1,1**		**1,1**		0,0		0,6	0,1	
Тульская	49,3		48,4		48,5		48,2		48,2		48,2	48,3
		0,9		0,1		0,3		0,0		0,0	0,1	
Ярославская	47,0		47,6		44,6		46,9		47,1		46,9	47,4
		0,6		**3,0**		**2,3**		0,2		0,2	0,5	

Анализ этой таблички указывает, что годичные колебания величины одного из клиньев трехполья могут достигать больших величин до 2 и даже 3%. К тому [же] есть данные предполагать, что эти колебания приуменьшены, так как цифры, легшие в основу вычисления этой таблицы, получены на основании сведений волостных правлений, которые смотрят очень часто на сообщение их как на простую формальную официальную отписку и просто переписывают данные прошлых лет, не давая себе труда учитывать все изменения, благодаря чему разница между годами должна сильно сглаживаться. Все это дает нам право считать все изменения, не превышающие 1,5%, находящимися в пределах годичных колебаний и, следовательно, не связывать с ними представления об изменении системы полевого хозяйства.

С другой стороны, разница между данными 1881 года и 1893 года может отчасти зависеть и от способа учета, который, как мы видели в предыдущем, сильно разнится в той и другой публикации. Об этом может дать понятие сравнительный анализ данных по ряду

губерний. Так, например, площадь посева Костромской губернии с 1881 года по 1893 уменьшилась на 60,8 тысяч десятин. Сравнивая эту величину с годичными колебаниями площади посева в течение 9 лет с 1893 по 1899 год, мы можем отметить, что максимум последних — 12,7 тыс. десятин (5,1; 12,7; 12,1; 0,4; 5,7; 3,3) — почти в пять раз меньше ее. Таким образом, уменьшение в 60,8 тыс. десятин мы не можем объяснить простым годичным колебанием и должны предположить, что за период 1881–1893 годов произошло сильное сокращение посевной площади. А раз это так, то мы вправе ожидать какого-либо следа этого уменьшения и в следующее десятилетие. Но самый тщательный анализ цифр 1893–1899 годов не дает нам возможности заметить его. Средняя величина посевной площади по 4-летиям: 1893–1896 годы — 773,8 тыс. десятин; 1894–1897 — 774,3 тыс. десятин; 1895–1898 — 773, 1 тыс. десятин; 1896–1899 — 773,8 тыс. десятин. Для других губерний мы будем иметь следующую таблицу (табл. 4).

Таблица 4. **Изменения площади посева в 1881–1893 и 1893–1899 годах по периодам (в тысячах десятин)**

Губернии	Изменение в площади посева с 1881 по 1893 год	Максимум годовых колебаний площади посева с 1893 по 1899 год	Средняя величина площади посева по 4-летиям			
			1893–1896	1894–1897	1895–1898	1896–1899
Московская	65,6	14,2	436,5	436,8	431,7	432,7
Нижегородская	136,3	18,7	807,1	809,4	814,9	820,8
Рязанская	72,1	11,1	815,1	816,8	813,7	813,8
Тамбовская	95,7	31,7	1450,7	1446,4	1448,2	1461,0

То же самое мы имеем для Тульской, Симбирской, Воронежской и многих других губерний, где посевная площадь 1881 года отличается от таковой же 1893 года на величину, значительно превосходящую пределы годовых колебаний. Почти во всех этих случаях, по данным 1893–1899 годов, не удается обнаружить никакого следа процесса резкого изменения, предположенного на период 1881–1893 годов. Средние цифры 1893–1899 годов остаются почти константными и делают гораздо более вероятным предположение, что разница в большей мере зависит от различия в способах учета. На какую величину это отразится на проценте пара, мы учесть не можем, но все-таки должны иметь в виду возможность этого влияния.

Остается сказать несколько слов о соотношении между сокращением процента пара и изменениями в самой системе полевого хозяйства. При трехполье, которое нас теперь интересует, се-

вооборот, теряя или сокращая паровую площадь, может перейти к пестрополью, травополью, четырехполью или каким-либо другим системам. Во всех этих случаях такой переход должен отразиться кроме пара также и на других элементах севооборота; так, например, озимь, обычно следующая за паром, должна сократить свои относительные размеры. При обратном переходе вместе с увеличением пара должна также увеличиваться и озимь.

Наблюдая относительную величину озими у ряда *чисто* трехпольных губерний, увеличивших или сокративших паровую площадь на довольно значительные величины, мы или совсем не можем уловить никаких *соответствующих* изменений, или же эти изменения незначительны (табл. 5).

Таблица 5. **Изменения доли пара и доли озимых посевов в посевной площади за 1881–1899 годы по периодам (в %%)**

Губернии	Изменение в % пара с 1881 по 1893 год	Процент озими в 1881 году	Средние величины процента озими по 4-летиям			
			1893–1896	1894–1897	1895–1898	1896–1899
Костромская	+2,2	50,0	50,5	50,2	50,1	50,1
Ярославская	+2,8	46,5	46,0	46,5	46,4	47,1
Нижегородская	-1,2	48,9	51,7	51,8	52,0	52,3
Вятская	+3,2	47,3	48,1	47,9	47,4	47,4
Смоленская	+1,6	47,8	46,7	46,8	46,9	46,9

Таким образом, приходится признать, что изменения процента пара для периода 1881–1893 годов не всегда указывают на *обязательное* изменение в системе полевого хозяйства, что, вероятно, происходит от различия в приемах учета пара и посевов в регистрациях 1881 и 1893 годов.

Рассматривая географическую карту изменений процента пара, мы можем сделать несколько замечаний, выясняющих соотношение между увеличением или уменьшением процента пара и изменениями в самих системах полевого хозяйства. Так, резкое увеличение процента пара в губерниях Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Минской, может быть, *отчасти* и в Пермской, С.-Петербургской и Костромской, могут быть объяснены тем, что в них наряду с трехпольем существует и переложная система хозяйства, и процент трехпольного пара исчисляется не только к трехпольному посеву, а к сумме трехпольного и переложного посева и, следовательно, преуменьшен против нормального трехпольного процента (50%). За промежуток 1881–1893 годов площадь переложного хозяйства сократилась, а следовательно, переложж-

ные посевы, вводимые в вычисления процента пара, в меньшей степени влияют на уменьшение процента пара, и он относительно увеличивается.

Гораздо труднее поддается объяснению *увеличение* процента пара в чисто трехпольных губерниях, где оно, правда, незначительно и не выходит за пределы годовых колебаний, как это мы уже видели. Было бы неправдоподобно предположить переходы от трехполья к двухполью, или факты увеличения трехпольности губерний, то есть приведения к трехполью тех случаев не-трехпольных систем полеводства, с меньшим содержанием пара, которые вкраплены в каждую трехпольную губернию; гораздо более вероятности в том, что здесь для индустриальных губерний, особенно, например, для Владимирской, Ярославской, Костромской, Смоленской и т.п., сыграло роль забрасывание посевов многими хозяйствами (севообороты типа пар–пар–озимь и пр.), на что имеются указания и в литературе. Мы склонны, однако, основываясь на всем вышесказанном, объяснять эти изменения главным образом несовершенствами методов учета.

Для южных губерний с *крупным уменьшением* процента пара весьма правдоподобными явятся предположения о развитии пестрополья[16].

Подводя итоги вышесказанному, мы имеем некоторое право полагать, что обычные средние уменьшения или увеличения процента пара еще не указывают на значительные изменения в самой системе полевого хозяйства и что при составлении сводной карты географического распространения систем мы можем с ними не считаться, принимая во внимание лишь только исключительно резкие изменения, по моему предположению, превышающие 3,5%[17].

Этот вывод дает нам следующие практические указания для составления карты: 1) анализировать возможно полнее районы, претерпевшие изменения свыше 3,5%, и 2) данные по этим районам приурочивать к последнему пятилетию XIX века и, в случае отсутствия прямых указаний за это время, вносить соответствующие поправки в имеющиеся данные на основании процента пара и других данных.

16. Спешу оговориться, что настоящая статья не претендует на исследование вопроса о том, изменяются ли системы полевого хозяйства на крестьянских полях и если изменяются, то как? Автор отлично понимает всю наивность попыток решить этот вопрос на основании только данных правительственных регистраций. Поставленный мною вопрос сводится исключительно к тому, были ли за анализируемый промежуток времени изменения, могущие нарушить общую географическую картину преобладающих систем. Для этой цели материал правительственной статистики считаю до известной степени достаточным.
17. Цифра в достаточной степени произвольна, нужно было выразить, что эта величина находится где-то между 3% и 5%.

Для определения южной границы преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к концу XIX столетия мы имеем следующие данные: 1) прямые указания земской статистической литературы и изданий агрономов; 2) косвенные данные в виде указаний процента пара и распределения культур в правительственных регистрациях 1881, 1887 и 1893 годов и 3) косвенные указания других изданий.

Основными данными для нашего исследования явились сведения первой категории, возможность и условия использования которых были установлены в предыдущем. Эти данные сведены на картограмме № 3[18]. При ее черчении мы разбили все наличные системы полевого хозяйства на 5 разделов.

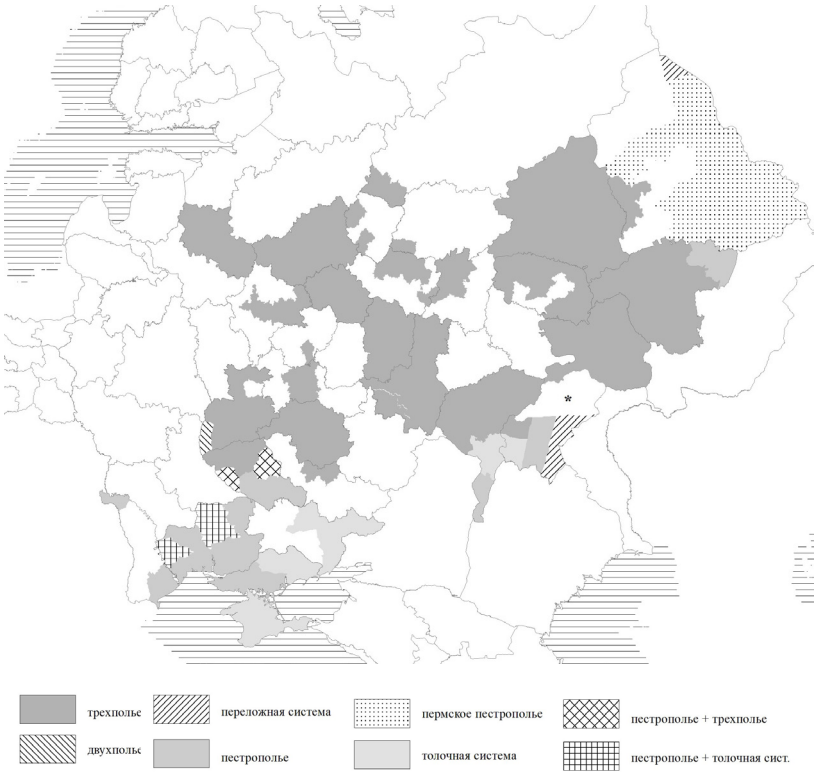
1. *Трехполье*. В данном случае под трехпольем понимался не столько классический *севооборот* пар–озимь–ярь, сколько сам хозяйственный строй полеводства трехпольной России, то есть деление пашни на общие для всех хозяев переходящие клинья, обязательность толоки[19], словом *общинная* трехпольная система полевого хозяйства. Сюда, таким образом, включены трехпольные хозяйства с севооборотом пар–ярь, с угловым травосеянием, а с другой стороны — исключены случаи трехпольного севооборота пар–озимь–ярь на одном и на двух полях, или же на нескольких, независимых между собой и не связанных с соседними обязательностью клина (пермское пестрополье). Трехпольно-залежные севообороты сибирского типа, то есть перелог, по которому 3–4 раза оборачивают трехпольный севооборот, а потом снова забрасывают в многолетнюю залежь, я также не счел возможным включить в этот раздел.

2. *Двухполье* — севооборот пар–озимь или пар–ярь на двух полях с обязательной толокой, по общему строю близкий к трехполью.

3. *Пестрополье*. В этот раздел входят все «системы», характеризующиеся тем, что отдельные поля хозяйства не находятся между собой в какой-либо связи и совершенно самостоятельно свершают свой цикл посевов, иногда в виде беспорядочного посева хлеба по хлебу, иногда же обладая элементами некоторой периодичности вплоть до включения толоки через известные промежутки лет. Из этой группы мы сочли удобным выделить так называемое *пермское пестрополье*, в котором периодичность носит определенный выдержанный характер и сводится к обычному трехпольному и четырехпольному севообороту и отличается от соответствующих систем только тем,

18. Подчеркиваем временный рабочий характер нашей системы. С педагогической точки зрения мы склонны полагать наиболее пригодной систему, построенную на агрономических признаках.

19. Толока — пастьба скота весной-летом на паровом поле до его вспашки, в трехпольной системе применялась крестьянами из-за нехватки земли для выпаса. — *Ред.*

* В Николаевском уезде смесь трехполья, двухполья, пестрополья и толочной системы.

Картограмма 3. **Системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к концу XIX века по данным земской статистики и публикаций агрономов**

что каждый кусок земли идет совершенно самостоятельно, вне всякой зависимости от других. Пространственная система, таким образом, отсутствует и наблюдается только временна̀я.

4. *Переложная система*. Этот раздел состоит из систем, в которых исключительное пользование залежью, как методом восстановления плодородия, принуждает земли, находящиеся под пашней, *переходить в другие категории угодий*: степь, лес и пр. Период залежи здесь намного превышает период пашни, и одним из определяющих моментов этой системы является тот факт, что срок поднятия залежи определяется не по времени, проведенном землей без посева, а сообразно ее «*спелости*», о чем судят по растительному покрову. Строго говоря, эта система близка к установленному нами типу пестрополья, так как, имея временную последовательность (систему), она не имеет пространственной. Однако факт пе-

рехода земель из одной категории угодий в другие заставляет нас выделить ее в самостоятельный раздел.

5. *Толочная система*. Эта группа весьма обширна по числу самых разнообразных форм и носит чисто искусственный характер. Ее определяющими признаками служат наличность двух и более годичной толоки и главным образом присутствие, наряду с временной последовательностью, также и некоторых элементов пространственной системы, связывающей между собою отдельные поля хозяйства.

Подобное подразделение несколько отличается от обычного, и посему мы считаем себя вправе сказать несколько слов о всей классификационной системе в целом и о ее мотивах. Смеем полагать, что каждая система, как и вообще всякая теория, есть вещь искусственная, и ее значение всегда только временное, педагогическое, имеющее целью дать возможность мыслящему уму с возможно меньшей затратой сил охватить всю совокупность фактического материала и возможно ясно ее мыслить. Ввиду этого классификационных систем может быть великое множество, все они «верны», и весь вопрос в том, какая из них проще и удобнее. Лично мы придаем большое значение *целевой* оценке систем, то есть оценивая всякую систему в зависимости от того, поскольку она удобна в видах той или иной цели, допуская, что для различных целей имеющейся материал можно группировать в различные системы.

Принимая это во внимание, мы должны были для классификации *сырого, еще не вполне изученного* материала остановиться на системе, опирающейся на конкретные, легко устанавливаемые признаки (морфологического характера) и главным образом постараться избегнуть внесения в построение системы хоть какого-либо следа теории-гипотезы исторического, географического или какого другого содержания, то есть того, что должно явиться во всяком случае последней стадией работы, последней условностью, но отнюдь не ставиться apriori.

Группируя сырой материал, я не счел себя вправе воспользоваться так называемыми «историческими» системами, столь у нас распространенными. Во-первых, потому что этим вносилась бы априорная посылка об определенной исторической последовательности систем. А во-вторых, и потому, что существующие «исторические» системы с *исторической точки зрения* представляют собою наигрубейшее упрощение хода развития систем полевого хозяйства и, в сущности, являются также морфологическими системами, с плохой морфологической разработкой вдобавок.

Возьмем для анализа обычный ряд ([А.П.] Людоговского): 1) переложная, 2) зерновая, 3) улучшенная зерновая, 4) плодосменная, 5) вольная. Для России она не имеет никакого *исторического* значения. Так, наше южное пестрополье с посевами растения по растению, часто сообразно требованию рынка, строго говоря, должно быть отнесено к пятой, вольной системе, а между тем в условиях русской действительности пестрополье, например, Саратовской губернии следует непосредственно за перелогом, а в Полтавской пред-

шествует трехполью и, наконец, в Курской возникает на развалинах последнего. Залежные системы, которые, очевидно, надо отнести к отделу переложных, как предшествуют пестрополью, так равно и следуют за ним, и нередки случаи, когда они возникают на развалинах трехполья (Черниговская и Владимирская губернии).

Таким образом, историческая часть системы оказывается сильно упрощенной, и предложенный ряд представляет, в сущности, ряд все возрастающей интенсивности хозяйств, но это уже признак не исторический, да еще вдобавок спорный и в данной системе мало разработанный.

Все это заставило меня отказаться от имеющихся «исторических» систем и сделать попытку установить чисто морфологическую временную систему для разработки сырого материала[20].

Основным элементом предлагаемой системы является ряд, то есть известная последовательность состояний земли (культур, пара и т.п.), который может быть выражен как *a, b, c ... v, z*. Этот ряд может быть временной, то есть один и тот же участок пройдет его в течение ряда лет; так, каждое поле трехполья в отдельности свершает ряд пар–озимь–ярь; этот же ряд свершает иногда и одно-единственное поле при пестрополье. С другой стороны, этот ряд может быть пространственен, то есть мы будем иметь тот случай, когда площадь пашни всегда содержит на себе элементы ряда пространственно размещенные. Все поля связаны, таким образом, в пространственную систему, и в то время как одно из них находится, положим, в состоянии *a*, другое бывает в состоянии *b*, а остальные в *c ... v, z*. В последующие годы, несмотря на перемену полями своих состояний, пространственный ряд остается сохраненным. Лучшим примером является все то же трехполье, где во всякое время сохраняется пространственный ряд трех клиньев.

Пространственная система может существовать и при отсутствии какой-либо временной систематичности. Так, иногда при пестрополье хозяин, сея без системы различные растения на каждой полосе в отдельности, может рассчитывать, чтобы каждый год, положим, ½ его пашни была засеяна пшеницей, ¼ овсом и т.д. Обычно же пространственный ряд встречается в комбинациях с временным, причем оба ряда могут быть тождественны и, следовательно, совпадать, а иногда, как это замечается, например, при трехполье на двух полях, или у многих травопольных севооборотов (например, 8-полье на 4 полях — типичный клеверный севооборот Московской губернии), они различны и не совпадают, представляя собою некоторую более сложную, но все же постоянную комбинацию. Иногда это осложняется еще и тем, что вместо простых временных и пространственных рядов мы имеем сложные, состоящие из сочетания двух или более элементарных. В этом смысле весьма характерны некоторые толочные системы юга России (Таврическая губерния),

20. Нося чисто морфологический характер, она позволяла бы располагать свои разделы в какие угодно исторические, географические и пр. ряды.

где все поле делится на 2 участка — на 1-м оборачивают какой-либо севооборот; другой — ряд лет под толокой. По истечении известного ряда лет толока идет под севооборот, а ранее эксплуатировавшиеся поля — под толоку. Здесь, следовательно, мы имеем два временных ряда: 1) толока–посев с периодичностью, положим, в 8 лет, 2) а для посева, предположим, севооборот пар–озимь–ярь–ярь, который успевает дважды обернуться на посевном клину.

Все эти комбинации, приведенные в систему, дадут следующую классификационную картину (табл. 6).

Таблица 6. **Классификационная группировка полевого хозяйства**

I. Только временной ряд		
A. Пашня не переходит в другие угодья		
1) Ряд сбивчивый		Пестрополье
2) Ряд с элементами периодичности	Периодичность сводится к трех- или четырехпольному севообороту	Пермское пестрополье
	Периодичность иная	Регулируемое пестрополье
B. Пашня переходит в другие угодья		Переложная система
II. Комбинации временного и пространственного рядов		
A. Пространственный ряд тождественен временному		1) 2-полье
		2) 3-полье
		3) 4-полье
		4) [n-полье]
B. Пространственный ряд не тождественен временному		
1) Один временной ряд		Комбинационная система
2) Два сопряженных временных ряда		Сложная комбинационная система

Разбирая фактический материал, мы сочли удобным соединить некоторые разделы этой системы в более общие, дабы не вносить излишней дробности: так, «регулируемое пестрополье» мы слили с «пестропольем» вообще, а все системы, имеющие минимум *двухгодичную толоку* и относящиеся к разделам «комбинационные», «сложные комбинационные», а также четырехпольные, n-польные, мы выделили в сборный искусственный класс толочных систем, считая их близкими по хозяйственной сущности. Таким образом, получилось 5 вышеприведенных общих разделов. Они не охватывают, конечно, всех наличных систем, но для определения господствующей достаточны.

Понимание трехпольной системы было дано выше; предлагаемая карта прямых указаний (картограмма 3)[21] дает возможность построить некоторые части определяемой границы, но она оставляет достаточно большие пробелы, для заполнения коих приходится обращаться к другим источникам. Такими являются указания правительственных регистраций на процент пара и распределение культур.

Сравнив между собою несомненно трехпольные и не-трехпольные уезды и анализировав у них величины процента пара и распределение культур, мы смеем предположить, что процент пара (к озими + яри), превышающий 30%, указывает нам на преобладание трехполья, если, конечно, этому не противоречат данные о распределении культур и пр.[22]

Для Пермской губернии, то есть для смеси трехполья с четырехпольем и пестропольным трехпольем, мы сочли нужным повысить процент до 40%.

Граница преобладания трехполья, полученная по этому способу определения, в своих общих местах почти совпадает с границей, построенной по прямым данным (табл. 7).

Таблица 7. **Распределение трехпольных и не трехпольных районов вдоль границы преобладания трехполья**

Трехпольные уезды	Не-трехпольные уезды
44,5* Соликамский	Верхотурский 32,5
49,6 Пермский	
56,6 Кунгурский	Красноуфимский 34,6
55,6 Осинский	
46,2 Бирский	Златоустовский 22,4
40,5 Уфимский	
33,4 Стерлитамакский	Оренбургская губерния**
35,3 Белебеевский	
51,4 Бугурусланский	Уральская область

21. Мы пользуемся данными 1881 года как более надежными.
22. Теоретически в случаях смеси трехполья с пестропольем и залежными системами, которые при нашем способе учета (к озими + яри) влияют на вычисляемый процент только своею посевной площадью, 30% пара означают, что 60% посева принадлежит трехпольному севообороту. Гораздо более труден учет в случаях смесей трехполья с двухпольем и некоторыми толочными системами (котовский севооборот Саратовской губернии и системы Харьковской губернии, дающий проценты пара (толоки), близкие к трехполью), но и тут распределение культур дает иногда надежный корректив.

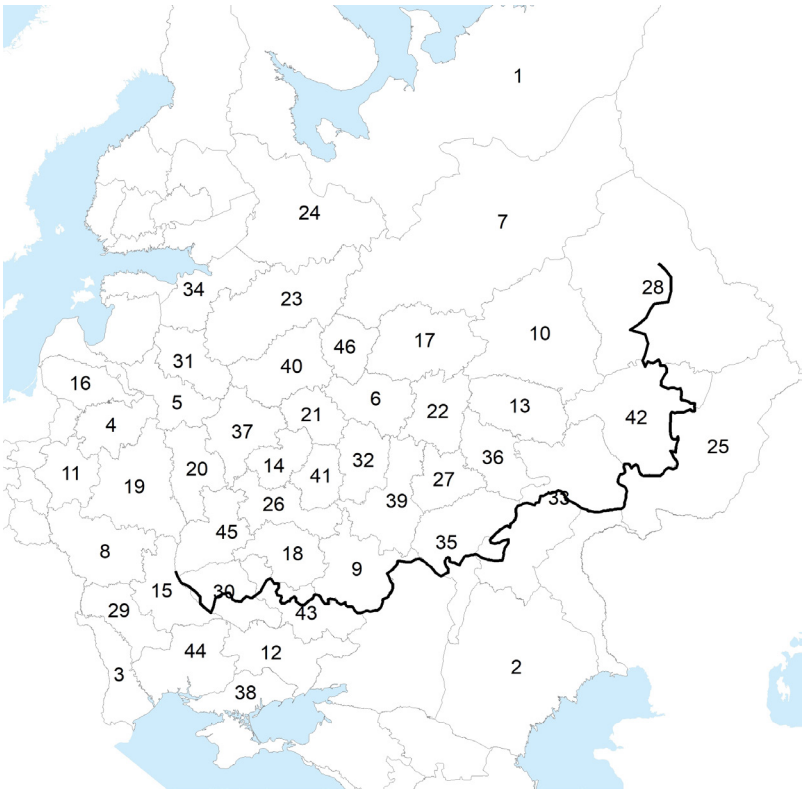
62,8 Бузулукский	Николаевский**
54,2 Самарский	
68,2 Хвалынский	
61,8 Вольский	Новоузенский**
	Камышинский 47,6**
48,9 Саратовский	
	Область Войска Донского 10,0–19,5
	Старобельский**
35,1–43,9 Воронежская губерния	
Курская губерния	Купянский**
	Волчанский 27,5
32,3 Харьковский	Змиевский 36,4
	Валковский 22,1
Курская губерния	
	Богодуховский 29,2
37,5 Ахтырский	
32,4 Лебединский	Зеньковский 7,1
49,7 Гадячский	
37,9 Миргородский	Полтавский 23,1
	Хорольский 9,1
41,0 Лубенский	
44,7 Пирятинский	Золотоношский 29,8
45,9 Переяславский	

* Цифры означают процент пара (к озими + яри). Екатеринбургский уезд имеет пара 49,2%, но отношение озимь/ярь = 0,081, что совершенно не соответствует трехполью.

** Развитие залежного хозяйства. Не-трехпольная величина отношения озимь/ярь.

Уезды	Процент залежи	Озимь/ярь
Николаевский	32,3	–
Новоузенский	44,2	–
Старобельский	21,6	0,356
Купянский	17,5	0,279
Камышинский	15,1	0,571

Уезды Старобельский, Купянский и Камышинский признаны не-трехпольными в силу того, что они лежат в районе толочных систем, трудно отличимых от трехполья по проценту пара, и мотивами к их выделению были процент залежи и величина озимь/ярь, резко отличающаяся от обычного при трехполье. На том же основании, но с меньшим правом, был выделен Змиевский уезд. Вообще говоря, граница по Харьковской губернии проблематична.

Картограмма 4. **Вероятная граница (южная) преобладания трехполья на крестьянских полях России к концу XIX века[23]**

Отдавая полное преимущество прямым указаниям земской литературы, мы вносим в линию, построенную по количественным данным, поправки во всех тех случаях, где она не соответствует данным прямых указаний, и получившуюся в результате черту (картограмма 4)[24] считаем вероятной границей преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России в конце XIX века. Эта граница, очерчивая географическое местоположение одной из коренных систем полевого хозяйства общинной России,

23. Цифровые обозначения губерний см. таблицу 1. — *Ред.*
24. При составлении этой карты я сознательно допустил нарушение одной из статистических догм. Карта *поуездная*, а в этом случае обычно не полагается дробить уезды на более мелкие части. Я же позволил себе разбить 3 уезда на более мелкие части. Дело в следующем: многие уезды не имеют абсолютно преобладающей системы, на их территории встречаются различные системы, более или менее однородно развитые. В тех случаях, когда они равномерно смешаны по всей территории уезда, я обозначил их как смешанные (см. карту), если же каждая из них обособлена в отдельные районы, я позволил себе выделить этот район, дробя уезды на части.

имеет несомненный географический интерес, но не меньший интерес представляет она и для исследователя *зависимостей* в экономической жизни страны. Так, сразу бросается в глаза близость этой границы к границе преобладания среди посевов яровой пшеницы. Но, впрочем, это выходит из рамок моей работы и представляет тему для исследования, которому настоящая статья является преддверием.

The southern border of the prevailing three-field system of farming in the peasant lands of Russia by the early 20th century

A.V. Chayanov

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Research Laboratory for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

Evgeny S. Grishin, Head of the Department of Historical Cartography and Geo-Information Systems, Research Laboratory for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: bibliosof-info@yandex.ru.

This is an article of Alexander Chayanov (1888–1937) first published in 1910 in the *Agriculture and Forestry*. The article is based on the graduate work of Chayanov written at the Moscow Agricultural Institute under the guidance of the Professor of agricultural economy and agricultural statistics A.F. Fortunatov. The article considers farming systems used by peasants on communal lands in the provinces of European Russia in the late 19th — early 20th centuries. Chayanov grouped main systems of the peasant economy into five types: three-field, two-field, many-field, transient (lea tillage), and upland farming. The key sources for the definition and localization of farming systems were the data of non-government (*zemstvo*) statistics and the descriptions of farming systems provided by local agronomists in a number of provinces. Chayanov also used the ratio of the sown and fallow lands as an indicator of the farming system. He calculated this ratio on the basis of the land statistics data collected by the Central Statistical Committee in 1881 and 1893 in 46 gubernias of European Russia. The results of his work are presented in the cartogram indicating the southern and eastern borders of the prevailing three-field system of farming. This publication is mainly for historians focusing on the agrarian history and the works of Chayanov.

Keywords: agrarian history, historical geography, three-field system, peasant economy, A.V. Chayanov